

РЕЦЕНЗИЯ

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КОСТЫЛЕВ

старший преподаватель философского факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Наукометрия и смысл науки

Рецензия на книгу «Наука: испытание эффективностью» / отв. ред. Л. В. Шиповалова. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 212 с.

Вышедшая в 2016 году коллективная монография Л. В. Шиповаловой, П. А. Биргера, В. А. Куприянова и И. С. Дмитриева посвящена осмыслению науки в ее исторических и философских контекстах с позиции категории эффективности, все чаще в наши дни применяющейся к научным исследованиям. Монография подготовлена по материалам грантового исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом¹. Монография состоит из двух разделов, носящих довольно условные названия (1. «Зеркало и зазеркалье научной деятельности»; 2. «Эффективность научной деятельности в эпоху научной революции»), поэтому мы, скорее, рассматриваем монографию как совокупность пяти глав.

Глава «Наука — между эффективностью и свободой» (Л. В. Шиповалова, с. 9–46), с которой начинается монография, играет, как нам представляется, роль идеологического введения, и потому заслуживает более пристального внимания. В этой главе автор вводит идею о двух противоречащих друг другу дискурсах, описывающих бытие науки, — дискурсах, если угодно, *воли к результату* и *воли к свободе*, которые оказываются противопоставлены один другому не только в содержательном, но и в институциональном плане: к результату (эффективности в том или ином понимании) науку тащит управляющий, ей внешний менеджмент, тогда как само

¹ «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты», проект РГНФ № 15–03–00572.

научное сообщество настаивает на собственной автономии (с. 9). Впрочем, чуть позже оказывается, что автор разоблачает представленное видение как естественную иллюзию, требующую исторического и концептуального разоблачения (с. 10).

Выйти из ситуации противопоставления свободы и эффективности Л. В. Шиповаловой позволяет своеобразное «освобождение» концепта эффективности от глубоко экономических коннотаций, приводящее в итоге к широкому определению эффективности как *способности* к практическому действию, производящему результат, имеющему значение для другого субъекта, а также как *необходимая результативность собственного действия*, воздействующего на Другого (с. 16). Выражаясь проще, наука просто *должна* репрезентировать свое содержание, причем, поскольку наука заявляет о своей объективности, в понятном каждому формате. На двух примерах (с. 19–21) автор показывает, что «признанность» Другим принадлежит самому существу научного исследования, следствием чего, кстати, становится исторический сдвиг самоописания ученого с «одинокого исследователя» на специалиста, жаждущего, помимо прочего, также и признания (с. 22).

Далее Л. В. Шиповалова указывает на то, что представление об университетской автономии также претерпело определенную эволюцию — и, начиная с автономии классических университетов Германии (в определенном смысле ставших моделью для первых российских университетов), автономия не исключает служения интересам национального государства и культуры (с. 26). Другое интересное авторское наблюдение — прослеживание последствий приложения идеалов классической научной рациональности, и десубъективации в том числе, к самой науке, что, собственно, и приводит к объективизации науки в форме требований эффективности (с. 34–35). Такая объективизированная наука застывает в виде формальной модели, механизма, отрицающего динамическую природу науки, зависящую от множества экстранаучных и, прежде всего, чисто человеческих причин (автор называет эту форму понимания науки «наукой в действии», с. 36 и далее). Наука вплетена в социальный контекст и не может быть выстроена как «завершенный проект» (с. 27–38, противоположностью «науки как проекта» позже окажется образ «науки как исследования», с. 45).

Логически выводимым из содержания авторского размышления тезисом оказывается отрицание привычного противопоставления количественных и качественных методов научной оценки (наукометрию стандартно упрекают в отказе от качественной оценки). Формулировка этого методологического отрицания заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью: «границу, различающую критерии оценки, следует проводить не между качественными и количественными показателями, а между критериями, сформированными и признанными конкретным научным сообществом, и едиными способами оценки, навязанными извне» (с. 42). Рецепт исправления этой ситуации, по замыслу автора, — налаживание диалогических отношений между научным сообществом и внешним менеджментом, основанный на понимании науки как к «свободной деятельности, к событию испытания сил с непредсказуемым итогом» (с. 43–44).

Вторая глава исследования посвящена теме «Эффективность университетской науки (возможность прояснения современных контрверзов)» (П. А. Биргер, с. 47–76). В главе, как указывает автор, «ставится задача прояснения неоднозначной эффективности научных исследований, и возможность такого истолкования звучащих извне «прагматических требований», которая не будет противоречить развитию самой

науки и поможет реализации ее собственных целей» (с. 49). В самом общем виде глава представляет собой самостоятельное размышление о роли концептов эффективности и результативности науки, и автор детально описывает контексты, порождаемые темой (с. 50–56). Авторская концепция сосредоточивается на образе университетской науки — своего рода медиатора между наукой и другими социальными субъектами, различных целевых ориентациях университетов, порождающих разные модели университета — исследовательский классический университет vs корпоративный университет, а также ряд промежуточных моделей — университет профессионалов, экспертный университет и массовый университет (с. 56 и далее). Естественным следствием такого моделирования становится вывод о необходимости подходить к разным моделям университетов с разными критериями эффективности (с. 75–76).

Третья глава, обращенная к исследованию темы «Становление классического немецкого университета: университетское образование и гуманитарные науки в немецкой философии и культуре» (В. А. Куприянов, с. 77–114) целиком посвящена историко-философскому осмыслению феномена классического немецкого университета, и в этом плане имеет историческое значение, но мало что добавляет к концептуальной ценности монографии, хотя и снабжает ее существенной толикой исторической достоверности, являющейся следствием почти любого корректного исторического изыскания. Вывод, который делается В. А. Куприяновым в завершение главы, следует признать сугубо романтическим — так, по мысли автора, с распадом классического немецкого университета, основанного на идеалах гуманитарного и, уже, философского знания, распадается и классический идеал познания, противостоящий «логике потребительства и абстрактной эффективности» — теперь нам нужны «новая философия и новые горизонты мышления» (с. 114).

Четвертая и пятая главы исследования — «Университеты между традицией и революцией» (с. 129–143) и «В поисках эффективной институализации науки: свобода или контроль?» (с. 144–187), — составляют второй раздел монографии авторства И. С. Дмитриева и посвящены рассмотрению различных форм институализации науки раннего Нового времени и их сравнительной эффективности (в этом плане они скорее примыкают к третьей главе монографии). Главы посвящены роли европейских университетов в научной революции Нового времени и сравнительному анализу представлений об эффективности научной деятельности на примере первых научных академий и обществ — *Académie Royale des Sciences* и *Royal Society of London*.

Представленный в предисловии тезис о неоднозначности и исторической обусловленности требования эффективности применительно к научным исследованиям (с. 3) раскрывается в исследовании с достаточной полнотой. Однако монография оказывается обращена одновременно к трем противоположным целевым аудиториям. Для первой из них особый интерес представляет история науки, в том числе университетской, и большая часть текста как раз отвечает на конкретные исторические вопросы (это главы с третьей по пятую). Вторая аудитория — философы и методологи науки, для которых особое значение приобретут первые две главы исследования (и, возможно, отчасти третья глава, в силу ее претензии на философский вывод). Третья же аудитория, к которой также реально обращена книга, не получает, к сожалению, от авторского коллектива особой части текста, к ней обращенной (за исключением, разве что, введения и заключения и, в некотором смысле, первой главы); эта аудитория — научный менеджмент, зачастую управляющий наукой из-за ее пределов.

Структура монографического исследования выстроена достаточно специфическим образом. Так, распределение глав по разделам во многом спорно — третья глава настолько же исторична, насколько весь второй раздел исследования (главы 4–5), она с тем же успехом могла бы быть помещена в особый исторический раздел монографии. Авторский тезис — начинать монографию с теоретических обобщений, — соответствует академической традиции, однако если претендовать на то, что будущие тексты по этой теме будут иметь не только научное, но и образовательное значение, логично ожидать исторический раздел в начале исследования, и тогда напрашивается небольшой раздел об античной и средневековой научных парадигмах (и соответствующих этапах развития научного же сообщества).

В конечном счете, представленная монография существенно дополняет активно идущий в настоящее время отечественный спор о наукометрии, ее границах и установках, историческом базисе и институциональных перспективах — хотя именно этому спору, его истории и во многом трагическим последствиям, в исследовании не посвящено ни одного значительного раздела. Остается надеяться, что монография, как интересный промежуточный результат грантового исследования (первые две главы которого, полагаем, останутся в истории академического осмысления концепта научной эффективности, а три последние смогут стать началом исторического исследования их оснований), в дальнейшем будет дополнена итоговым текстом, который усилит конструктивные черты исследования и элиминирует замеченные недочеты.